

Литературная газета

№ 30 (521)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Четверг, 30 мая 1935 г.

Р О Д И Н А А. П. Ч Е Х О В А

«Кто хочет понять поэта, должен отправиться на его родину». Если вы слишком прямолинейно будете толковать эту знаменитую формулу, то вас ждет жестокое разочарование. Попробуйте, например, по нынешнему Таганрогу судить о Чехове. Вы не встретите здесь ничего, решительно ничего, что помогло бы вам объяснить творчество великого новеллиста, понять огромную галерею его незабываемых образов. Старая чеховская «родина» умерла, и только по архивным документам, по воспоминаниям современников и друзей писателя, по историческим материалам вы сумеете воскресить черты ее лица.

Не плохим пособием в этом смысле может явиться и недавно выпущенный азово-черноморским крайиздатом сборник «А. П. Чехов и наш край». Здесь довольно тщательно и полно представлены справочные и библиографические материалы о фактах и людях старого Таганрога, встреча с которыми не прошла бесследно для Чехова.

Какая смесь имен и лиц... Вот заведующая лавки отца Антона Павловича—грек Стамати.

«Рекомендуя (отцу Чехова.—Т. М.) непременно определять сына в греческую школу, он в ярких красках живописал перед ним все преимущества своей родины, в которой, по его словам, все есть». (Из воспоминаний Тана). Кто, читая эти строки, не вспомнит знаменитого Дымбу из «Овальбы»? Узнал себя в «Свадьбе» не только Стамати, но и многие другие таганрожцы—и всерьез обиделись. Писатель даже получил предостережение от брата: «Если дороти бока, советую не приехать: Лабодины, Селиванов, сродники и чужаки—все сплошь обижены за «Свадьбу» в «Зрителе».

Директор таганрогской гимназии Рейтлингер, педагог, для которого самым главным было исправное состояние формы у гимназистов. Не он ли явился прототипом директора из «Трех сестер», называющего: «Главное во всякой жизни—это ее форма. Что теряет свою форму, то кончается, и в нашей обыденной жизни то же самое». Или учитель той же таганрогской гимназии Дьяконов. Кто, читая воспоминания об этом человеке, не

поймет, что именно он стоял перед глазами писателя, когда последний создавал своего бессмертного Беликова из «Человека в футляре» или Ипполита Ипполитовича из «Учителя словесности»?

Наблюдение над жизнью подручных мальчиков в лавке его отца навеяли Чехову рассказы «Спать хочется» и «Ванька». Детские впечатления писателя нашли отражение и в следующих воспоминаниях Алексея Лаптева, героя рассказа «Три года»: «Я помню, отец начал учить меня, или, попросту говоря, бить, драя за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего, будут ли сегодня драть меня. Играть и шалить мне и Федору запрещалось. Мы должны были ходить к утренней и ранней обедне, целовать попам и молякам руки, читать дома акафист».

Действующие лица рассказа «Отцы»—таганрогские обыватели 80-х годов, и именно их безрадостный, скучный быт отражается в следующих словах героя: «У нас интеллигентным девушкам и женщинам некуда решительно деваться... Надо вы-

ходить замуж... За немцами порядочных развитых людей и выходят бог знает за кого, за разных маляров, которые только и умеют, что пить да в клубе скандалничать».

В Таганроге встретил Чехов прототипа и других будущих своих героев—из «Моей жизни», «Печенег», «Холодной крови», «Хирургии», «Канители», «Лошадиной фамилии», «Баб», «Палаты № 6» и огромного ряда других произведений. Это была действительность, среда, которые подсказали Чехову его суровые слова в письме к Лейкину:

«Грязен, пуст, ленив, безграмотен, и скучен Таганрог...Шестьдесят тысяч жителей занимаются только тем, что едят, спят, плодятся, а других интересов—никаких. Нигде ни газет, ни книг».

Что сказал бы, что почувствовал бы Антон Павлович, если бы ему пришлось дожить до наших дней и снова побывать на своей родине?

Где эти «Ваньки», эти Беликовы и Ипполиты Ипполитовичи, эти маляры и их картельные клубы, эти «Печенег», Дымбы, грязь, пустота, лень, безграмотность, скука,—все то,

что так ранило, так угнетало нашего чудесного, чуткого художника, мечтавшего об осмысленной жизни, как об идеале, осуществление которого возможно не раньше, чем через 200 лет?

Не узнал бы Антон Павлович своего города, не узнал бы его людей. Это новая человеческая порода, для которой весь смысл жизни в творчестве, в строительстве, в беспощадном выдавливании раба из всех своих инстинктов; это она расширила город, заасфальтировала его улицы, осветила электричеством его дома, покрыла его широкой сетью культурных организаций, изменила весь бытовой и общественный уклад, где отношения допотопные, звериные, грубо-собственнические уступили место отношениям разумным, человеческим, социалистическим. Это она чувствует сейчас память своего гениального «земляка» так, как ему, вероятно, никогда и в мечтах не представлялось,—потому что люди нового, социалистического Таганрога, поголовно грамотны, читают и сами издают много газет и умеют ценить великие произведения искусства и их творцов.

Т. МАРИНИН.